

Научная статья

УДК 811.161.1'38

DOI 10.17223/18137083/78/13

Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания)

Дмитрий Владимирович Руднев

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Аннотация

Язык Генерального регламента отразил результаты поиска его создателями адекватных новому жанру и новой эпохе средств выражения. Содержание текста воплощалось при помощи модернизированного делового языка, в котором на разных уровнях осуществлен синтез русских, славянских и иноязычных элементов. Существенной перестройке подверглась система способов выражения императивности, использовавшихся в допетровской деловой речи. Наряду с традиционно употреблявшимся для выражения повеления инфинитивным предложением, текст Генерального регламента включает в свой состав множество новых средств, как заимствованных, так и русских по происхождению. Изменения в системе императивных средств были обусловлены семантическими, стилистическими, социокультурными причинами.

Ключевые слова

Генеральный регламент, деловая речь, история русского языка XVIII века, Петр I, регламент, заимствования, славянизмы, императивность

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века»)

Для цитирования

Руднев Д. В. Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 178–191. DOI 10.17223/18137083/78/13

© Руднев Д. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 178–191

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 178–191

Language of the General Regulations of 1720 (on the occasion of the 300th anniversary of its first edition)

Dmitriy V. Rudnev

Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Abstract

The paper presents a comprehensive description of the language of the General Regulations. The content of the text is embodied with the help of a modernized language of documents, with a synthesis of Russian, Slavic, and foreign language elements carried out at different levels. The morphological basis is formed by the colloquial forms of names and verbs, including a small number of old forms. The syntax features a tendency to transform the colloquial structure of the phrase of pre-Petrine documents to make it more bookish. The lexical basis comprises Russian words, with the inclusion of Church Slavonicisms and numerous European borrowings. Church Slavonicisms are represented mainly by service vocabulary (conjunctions, particles, pronouns, adverbs). Of the Europeanisms, three groups of words are especially frequent: names of collegiate positions, names of documents and forms of work with them, and words of the behavioral sphere. Also, the paper provides a detailed description of the ways of expressing imperativeness in the text of the General Regulations in comparison with document texts of the pre-Petrine era. In addition to infinitive sentences traditionally used to express the command, the text of the General Regulations includes many new means, both borrowed and Russian in origin. In order to enhance the imperativeness, a wide range of various intensifiers was used. The language of the General Regulations reflects the results of its creators' searching for the means of expression that could be adequate to a new genre and a new era.

Keywords

General regulations, style of official documents, officialese, history of the Russian language of the 18th century, Peter I, regulations, borrowings, Slavonicisms, imperativeness, intensifiers

Acknowledgements

This research is supported by the RFBR project “The system of imperative means in the Russian official language of the XVIII century [RFBR 20-012-00338]”

For citation

Rudnev D. V. Language of the General Regulations of 1720 (on the occasion of the 300th anniversary of its first edition). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 178–191. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/13

Введение

Регламенты определяют функции и задачи, полномочия и ответственность, связи, средства поощрения и принуждения участников процесса.

Отдаленным предшественником регламентов являлась *наказная память*. Этот документ, известный с середины XVI в., составлялся в приказе или местном учреждении и, наделяя лицо полномочиями для выполнения какого-либо конкретного поручения, содержал инструкцию по его выполнению. Однако наказная память была лишена очень важных признаков современных регламентирующих

документов – повторяемости регламентируемых действий и, как следствие, деперсонифицированности.

Регламентирующие тексты современного типа возникают в Петровскую эпоху. Их появление было обусловлено желанием царя построить регулярное (полицейское) государство на основе новых принципов управления страной, сформировавшихся под влиянием европейской политической теории, где государство представлялось и моделировалось в виде механизма (механического человека или часов) (см. об этом: [Садова, Руднев, 2018]). Стремление выстроить государство на основе принципов механики побуждало власти к подробной регламентации поведения граждан при выполнении ими своих должностных обязанностей.

В петровское время появляется ряд регламентов, определивших жизнь страны на много десятилетий вперед и заложивших основы для формирования нового делового жанра: Артикул воинский (1715), Устав воинский сухопутный (1716), Морской устав (1720), Генеральный регламент (1720), Духовный регламент (1721), Регламент Главному магистрату (1721), Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи (1722).

Язык петровских регламентов, в частности Генерального регламента, характеризовался значительной новизной используемых речевых средств.

Генеральный регламент, увидевший свет в 1720 г., оказал колоссальное влияние на формирование новой деловой культуры в целом и жанра регламента в частности. Несмотря на ряд содержательных работ, посвященных влиянию Генерального регламента на формирование новой культуры делопроизводства (см. работы [Емышева, 2008; Лукашевич, 1991; 1993]), речевые особенности этого замечательного памятника до сих пор не получили комплексного описания и осмысления.

1. Речевые особенности Генерального регламента

Генеральный регламент разделен на 56 глав, каждая из которых имеет собственное название: «О присяжной должности», «О преимуществе коллегии», «О назначенных к сидению днях и часах» и т. д. Этим он отличается как от послужившего ему источником шведского «Уложения о Канцелярии» (Cantselie Ordningh, 1661), состоявшего из 15 безымянных глав, так и от подавляющего большинства европейских регламентов XVII – начала XVIII в., делившихся на главы без названий. С одной стороны, в этом можно видеть стремление властей заимствовать наиболее совершенные способы текстовой организации регламентов, с другой – снабжение глав регламента названиями облегчало поиск необходимой информации, что было особенно важно, учитывая новизну жанра и большой объем петровских регламентов. Чаще всего названия оформлялись при помощи делиберативной предложно-падежной формы с предлогом *о*, например: *О книгах при канторах*, однако устоявшейся традиции речевого оформления глав не было, поэтому некоторые главы имели сложное название: *О шелмованных и на публичном месте о наказанных, чтоб таковых в службу не допускать и сообщения никому с таковыми не иметь* (гл. 53) или *Чтоб никто ругательными и поносными словами коллегиям касаться не дерзал* (гл. 55).

Речевая основа Генерального регламента имеет контаминированный характер: в нем использованы разговорные, книжно-славянские и заимствованные элементы. Морфологическую основу составляют разговорные формы имен и глаголов. В области имени существительного у всех типов склонения безраздельно господствуют новые, обобщенные формы мн. ч. с окончаниями *-ам*, *-ами*, *-ах*; старые

формы представлены небольшим числом, например: с *надлежащими обстоя-
тельствы* (ГР, 1725, с. 9)¹, с *протчими члены* (с. 11–12), *не о важных делех*
(с. 12), *за губернаторскою или воеводскою печатми* (с. 15), *протчим нескольким
членом* (с. 17), *по указом их... поступать* (с. 20), *между протчими канцелярски-
ми служителми* (с. 21), *канцеляристом надлежит... изготовлять* (с. 26), *под
такими же казнми* (с. 26), с *челобитчиковыми прошениями* (с. 31) и т. д.

Система глагольных окончаний также соответствует разговорной речи: в Ге-
неральном регламенте отсутствуют формы аориста, имперфекта и плюсквампер-
фекта. Инфинитивные формы представлены главным образом формами на *-ть*
с редким включением форм на *-ти*: *...равным же образом и о ответных писмах,
а наипаче от губернаторов и воевод, в коллегии такой же порядок и исправность
содержати надлежит* (с. 14). Формы на *-ти* широко используются от возврат-
ных глаголов: *...онные [доклады] ...чтоб никто ругателными и поносительными
словами коллегии касатися не дерзал...* (с. 39).

Возвратные глаголы имеют вариативные формы: *-тся* и *-тца*, причем чаще
используются вторые (в этом можно видеть проявление старой деловой тради-
ции); например: *А в государственных делах и то за действительно **примаецца**,
от чего б убыток или вред **случитца** мог, хотя его и не было* (с. 7); *...а без от-
пуска никому никуда отъезжать **не позволяется**...* (с. 11). Форму на *-тца* может
иметь также инфинитив возвратного глагола: *...однако ж всем членам вdrug **от-
лучитца** не надлежит...* (с. 10).

Вариативность окончаний отмечается у прилагательных в форме род. п. ед. ч.
м.-ср. р. и вин. п. ед. ч. м. р.: *-аго, -ого, -ова*; первая форма значительно преобла-
дает (это можно рассматривать как средство олитературивания текста регламен-
та): *А буде кто в дополнение упалых мест дерзнет ради службы или подарков
недостойного или неискуснаго человека в службу его величества определить,
а достойнаго и искуснаго чрез умысл и неправдивой репорт в возвышении его
уничтожит...* (с. 12); *...дабы друг другу во отправлении его [дела] **никакова** по-
мешателства не чинил...* (с. 29).

В переиздании регламента 1735 г. прослеживается последовательная правка
старых форм существительного, рефлексивных форм глагола на *-тца*, инфини-
тивных форм на *-ти*.

Среди особенностей морфологии памятника также отметим форму мн. ч.
им. п. *леса* (с. 35), широкое использование у существительных м. р. в род. п. окон-
чания *-у* (*без писменнаго указу, ежели убытку не учинилось, без всякаго **подлогу**,
с **умыслу**, без **отпуску**, **никакова **просмотру**, **гласу** не имеет, для **переводу***** и пр.
(с. 6–8, 11, 21, 22, 24)) и образование у существительных ср. р. на *-ие* формы мн. ч.
им. п. на *-ии* (*какие **отправлении** коллегium во весь год имел; **сочинении** черные;
некоторые **предложения*** и др. (с. 26, 31, 36)). Широкое употребление оконча-
ния *-у* является отражением разговорной основы речи.

Ряд слов в регламенте имеет неустойчивую родовую отнесенность – *архив /
архива, вред / вреда, поступок / поступка* и некоторые другие. К их числу отно-
сится и слово *коллегium*, которое употребляется в различных родовых формах:
*А ежели не известит, то **коллегium** вся подвержена будет тому наказанию
по силе **вреды*** (с. 4); *...а ежели от того кому какой **вред** или убыток учинитца,
то оной на них доправить...* (с. 7); *Понеже каждой **коллегium** особливые свои*

¹ В качестве источника использован текст московского издания 1725 г. Далее при ссыл-
ке указывается только страница.

отправления и дела имеет... того ради одному **коллегию** в дело другого не вступаться... (с. 14); ...которые [дела и книги] никогда в Камор **архиву** не отдаются, но в канторе обретаются (с. 31); Того ради повелевает его императорское величество иметь два **архива**... (с. 30).

Лексический состав Генерального регламента имеет пестрый характер: его основу образует русская лексика с включением церковнославянизмов и многочисленных европейских заимствований и калек. Славянизмы представлены ограниченно и главным образом служебной и полуслужебной лексикой – союзами, частицами, местоимениями, наречиями: ...и **так** все **оны**, которые по учиненному докладу и позволению в коллегию войдут, с надлежащим почтением приступают, и **понеже** никому не позволено в коллегии о других делах разговоры иметь, **токмо** о тех, которые к его императорского величества службе касаются, наименше ж непотребные и праздные слова и смех иметь, **также** никому стул не поставляется, кроме таких, который бы ранг имел между знатными чинами (с. 18).

При помощи славянизированной служебной лексики достигалось окнижение деловой речи (см.: [Майоров, 2009]), сохранявшей в допетровскую эпоху разговорную окраску.

Значителен пласт заимствованной лексики в тексте регламента. Можно выделить несколько основных тематических групп: названия «коллегийных» должностей (*архивариус, актуариус, канцелярист, копеец, нотариус, регистратор, фискал* и пр.), названия документов и способов работы с ними (*диплом, инструкция, квитанция, концепт, корреспонденция, мемориал, протокол, регистратура, регламент, реляция, формуляр, журнал* и пр.; *нумеровать, держать протокол, учинить реестр, чинить реляции* и пр.), лексика, связанная с поведением в обществе (*акциденция, комплимент, респект, характер, трактовать, шельмовать*) и некоторые другие.

Заимствования Петровской эпохи «выступали прежде всего как показатель новой культурной ориентации, т. е. выполняли в первую очередь не прагматическую, а семиотическую функцию». Семиотическая функция отчетливо проступает в тех случаях, когда «заимствования сопровождаются в тексте глоссой, дающей эквивалент заимствованной лексемы из привычного для читателя словаря» [Живов, 1996, с. 146]. Генеральный регламент имеет в качестве приложения «Толкование иностранных речей, которые в сем регламенте», содержащее толкование 34 слов и словосочетаний (хотя в тексте их использовано значительно больше).

Однако широко используемые в тексте регламента глоссы отнюдь не всегда дают полный русский аналог заимствованного слова – гораздо чаще это примерный аналог, на что указывают расхождения в толковании. Так, слово *концепт* в тексте толкуется как ‘сочинении черные’ (с. 31), а в приложении – как ‘сочиненные [так!]’² всяких указов и доношений’. Ср. толкование в «Словаре русского языка XVIII века»: *концепт* – ‘краткая записка, выписка; черновик письма, деловой бумаги’ (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 155). Слово *репорт* толкуется в регламенте как ‘доношение’ (с. 36), а в приложении – как ‘ведомость’. Такие расхождения свидетельствуют о том, что у многих заимствований не было готовых аналогов в русском языке.

Широкое использование иноязычных названий документов (а также их частей, редакций, способов работы и пр.) вызвано, без сомнения, основной целью Гене-

² Судя по исправлению в издании 1735 г. на *сочинения*, это ошибочное написание.

рального регламента – быть «первой инструкцией по делопроизводству, призванной научить новым навыкам управленческой деятельности» [Емышева, 2008, с. 257]. За новыми именованиями документов часто стоит либо возникновение новых деловых отношений, которые в силу их отсутствия не имели наименования, либо изменение уже существующих. Возникновение новых видов отношений стоит, например, за появлением такого документа, как *протокол*, в котором письменно фиксировался ход обсуждения вопроса в коллегии, выписки документов и особые мнения членов.

Не менее отчетливо нетождественность заимствованных названий и их русских аналогов проявляется в сфере поведенческой лексики. Петр I занимался копированием не только различных профессиональных сфер европейской жизни, но и поведенческих моделей, без принятия которых модернизация страны была невозможна. Заимствованная лексика была связана с описанием публичного поведения человека. Так, 24 глава регламента называется *О комплементариях президентов*. Вот ее содержание: *Когда президенты в коллегии прибудут, то надлежит членом, встав с мест, честь им отдать; тако ж и при выходе их. А встречать и провожать должности их нет* (с. 19). В приложении к регламенту поясняется название главы: *О комплементариях* – ‘О словопочтениях’. Ср. словарное толкование: *комплимент* – 1. ‘словесное или письменное изъявление почтения’; 2. ‘приветствие при встрече, поклон’ (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 126). Судя по всему, в тексте главы речь идет о втором значении слова, а в приложении дано его первое значение.

Заимствованная деловая и административная лексика пришла в русский язык петровского времени из латыни, немецкого и французского языков прямо либо через посредство польского языка. Применительно к Генеральному регламенту необходимо также обращение к тексту *Cantselie Ordningh*, который послужил его источником, чего, к сожалению, не делают. Шведский язык XVII–XVIII вв. подвергся сильному влиянию латыни и французского языка, поэтому многие галлицизмы в русском деловом языке петровского времени вполне могли проникнуть через посредство шведских деловых текстов. Отметим те заимствования Генерального регламента, которые нам встретились в *Cantselie Ordningh*: *Archivum, Cammar, Collegium, Senat(en); Actuarius, Assessor, Copijst (Copist), Referendarijs, Registrator, Secretarij (Secreterar, Secretarius), Juncker; Document, Instruction, Memorial, Patent, Protocoll, Resolution, Correspondenzie, Registratur, Concept*. Часть перечисленных слов вполне могла войти в текст регламента под влиянием источника. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Синтаксис Генерального регламента подвергся тщательной обработке, хотя продолжал сохранять особенность устно-речевого субстрата деловой речи. Например:

Когда в которой коллегии умрет вице-президент, о том доносит той коллегии президент в Сенате, а Сенату, выбрав в вице-президенты достойных несколько персон, балатировать и доносить императорскому величеству; а советников и ассесоров выбирать балатированьем же в Сенате, а секретарей, камериров, казначеев и нотариев выбирать президентам с протчими члены той коллегии достойных по несколку человек, и доносить об них, и из них выбирать, и чины сказывать им в Сенате, которых потом его императорское величество патентами за подписанием высокой своей руки и припечатыванием государственной печати снабдит изволим (с. 11–12).

В приведенном примере широко представлены присоединительные конструкции с союзами *а* и *и*, являющиеся яркой чертой синтаксиса разговорной речи.

К числу синтаксических явлений устно-разговорного характера относится и употребление в тексте регламента конструкции «именительный падеж на *-а* при инфинитиве»: *...таковым за преступление, как вышним, так и нижним, надлежит чинить смертная казнь или вечная на галеру ссылка с вырезыванием ноздрей и отнятием всего имения* (с. 36). Под влиянием живой речи (в северо-восточных русских говорах это явление представлено до сих пор) оборот широко распространился в средневековой деловой письменности и исчез, как полагал П. Бицилли [1933, с. 207], в результате петровских реформ. Приведенный пример показывает, что конструкция продолжала ограниченно употребляться в Петровскую эпоху, проникая даже в обновленную деловую речь.

Однако гораздо чаще разговорная фраза подвергалась обработке с целью придания ей более книжного характера: в нее вводились гипотактические (подчинительные) элементы – придаточные разных типов и деепричастные обороты. С целью олитературивания деловой речи менялся порядок слов в предложении – под влиянием латинского и немецкого синтаксиса сказуемое ставится в конце фразы [Багрянцева, 1994, с. 87]. Например:

Понеже каждой коллеgium особливые свои отправления и дела имеет, яко о том [особые] инструкции покажут, того ради одному коллегию в дело другого не вступатися, но ежели иногда что случитца, которое и до другого коллегия касаетца, то одному с другим о том порядочно и писменно корреспондовать (с. 14).

Особенностью регламента является широкое использование сложноподчиненных предложений с придаточными условия (вводятся союзами *ежели*, *буде*, изредка *естли*, употребленными соответственно 55, 18 и 4 раза), цели (*дабы*, *чтоб* – 33 и 26 раз, в том числе в изъяснительном значении с побудительным оттенком), причины (*понеже* – 17 раз, *ибо* – 5), уступки (*хотя* – 8).

Широкое использование придаточного условия вполне закономерно в тексте регламента, так как оно оформляет условие для тех или иных действий (гипотезу правовой нормы):

Ежели далее сего положеннаго срока кто без законной причины волочить станет, то наказан будет за каждой день по трицати рублей, ежели убыток от того кому не учинилось; а ежели убыток учинился, то оной вдвое доправит в первой и другой раз, а в третьей, яко преслушатель указа, наказан быть имеет (с. 6).

Гораздо примечательнее употребление в составе регламента причинно-следственных конструкций, не типичных для деловой речи. Их широкое использование в документах петровского времени обусловлено тем, что Петр I постоянно разъяснял подданным причины и цели своих распоряжений, пытаясь убедить в их необходимости. Генеральный регламент как новый жанр требовал широкого привлечения средств убеждения: так, с союза *понеже* начинается и сам регламент, и часть глав регламента:

Понеже президенты, а во отлучении их вице-президенты, вышние главы суть, и в лице его императорскаго величества сидят ради управления всех дел в коллегиях, також на каждого верность, прилежность и поступку надзирают, того ради надлежит... (с. 20).

Тем же целям разъяснения монаршей воли служит употребление других причинных и целевых союзов:

*А ежели из коллегиев которой член другие врученные дела имеет, то оному за то в пренебрежение не вменится, **ибо** он вместо того исправлял другое врученное ему дело... (с. 12); ...сверх того, надлежит нотариусу роспись иметь об оных делех, которые прошлой недели не вершены, и такую роспись пред президентом на столе иметь, **дабы** оную в коллегии ежесдневно видеть, и о невершенных делех ведать мочно было... (с. 23).*

Если для разъяснения позиции Петра придаточного причины или цели было недостаточно, в текст регламента могло вводиться особое *толкование*. В Генеральном регламенте представлено только два толкования – в главе 4 (*О исполнении указов*) и 53 (*О шельмованных*), однако, например, в Артикуле воинском таких случаев очень много.

2. Особенности реализации стилевых черт делового стиля в Генеральном регламенте

В допетровский период такие традиционно выделяемые черты делового языка, как точность, имперсональность, незмоциональность, официальность, стандартизованность, либо отсутствовали, либо не получили полного развития. Петровские документы, в том числе Генеральный регламент, – это первые шаги по пути формирования этих черт. Что касается императивности, то эта стилевая черта в Петровскую эпоху претерпевает существенные изменения в формах выражения. В этих изменениях прослеживалось не просто стремление царя к модернизации делового языка по европейским речевым моделям, но и изменение модели отношения между властью и подданными.

В деловом языке XVI–XVII вв. основным средством выражения повеления был инфинитив. Так, в Судебнике 1550 г. «все статьи, излагающие то или иное установление, пользуются исключительно формой инфинитива» [Соколова, 1952, с. 58]. Схожую ситуацию можно наблюдать в тексте Соборного уложения 1649 г. В Генеральном регламенте инфинитив – лишь одна из форм выражения повеления, круг которых широк и пестр.

2.1. Выражение обязывания (повеления)

Средства выражения повеления в Генеральном регламенте разнообразны: «*надлежит* + инфинитив» (77 случаев), инфинитив (49), «*иметь* + инфинитив» (47), настоящее долженствования (41), «*должен* + инфинитив» (21), будущее время со значением долженствования (12), «*повинен* + инфинитив» (7), «*долженствовать* + инфинитив» (5), «*должность есть* + инфинитив» (5) и некоторые другие.

Повеление могло также выражаться эксплицитно конструкцией «его (императорское) величество повелевает» (пять случаев): *Того ради повелевает его императорское величество иметь два архива...* (с. 32).

Основной моделью выражения повеления в допетровской деловой письменности было инфинитивное предложение, которое продолжает употребляться и в регламенте: *...и президенту с прочими членами, приняв оное доношение, того ж часа спрашивать, имеет ли свидетели и иные доводы крепкия...* (с. 17).

Кроме инфинитивного предложения использовались такие безличные модели выражения повеления, как: «*надлежит* + инфинитив», «*должно* + инфинитив», «*надобно* + инфинитив», «*нужно* + инфинитив», из которых первая получает широкое распространение в петровское время, хотя практически неизвестна в предшествующую эпоху (не исключено, что модель является результатом польского влияния [Besters-Dilger, 1997, S. 21]). В Генеральном регламенте модель «*над-*

лежит + инфинитив» является самой частотной при выражении повеления: ...прежде **надлежит** вверху листа год и число **написать**, потом присутствующая члена **записать** и потом протокол **держат** (с. 23).

Может показаться, что безличная модель «*надлежит* + инфинитив» просто дублирует инфинитивную модель. Однако это не совсем так. Во-первых, введение в инфинитивное предложение модального оператора *надлежит* меняет стилистическую окраску конструкции: этот глагол придает выражению повеления книжную окраску. Во-вторых, модальность инфинитивного предложения неоднозначна и в современном русском языке, а в Петровскую эпоху инфинитивное предложение могло, кроме того, выражать значение возможности. Введение глагола *надлежит* снимает возможную неоднозначность (т. е. способствует точности документа). В-третьих, инфинитив обычно сопровождается дательным субъекта. Предложения с *надлежит* также могут включать в свой состав дательный субъекта: *А ежели в таких корреспонденциях какое непотребное замедление учинится, в том особливо президенту **ответствовать** **надлежит**...* (с. 14), однако часто предложение не содержит указания на субъекта, отчего предписание приобретает более обобщенный характер. Кроме того, модальный оператор *надлежит* изредка употребляется и в двусоставном предложении (хотя и с неактивным грамматическим субъектом): ...*ибо как в Сенате, так и в коллегиях словесные указы никогда **отправляемы быть не надлежат** (с. 4); ...**которые** [указы] **надлежат быть письменные и зарученыя, а не словесные**...* (с. 5).

Множество способов выражения повеления в двусоставном предложении, встречающихся в тексте регламента, по-видимому, следует рассматривать как поиск наиболее точной модели, которая еще не сложилась в русском языке и не грамматикализировалась.

В значении *обязан* в Генеральном регламенте изредка встречается полонизм *повинен* (всего 7 раз): ...*также **надлежит** ему [переводчику] свой перевод во свидетелство подписывать: сие **повинен он исполнять** под такими ж штрафами и наказаниями, как в должности секретарской написано* (с. 24). Полонизм *powinien* в XV в. проник в украинский и белорусский языки, где используется до сих пор [Ibid., S. 27–28]; в современном польском деловом языке *powinien* «выступает как актуализатор значения долженствования с дополнительной модальной семой вынужденности» [Магдалинская, 2014, с. 145].

Модальный предикатив *должен*, известный с древнерусской эпохи, в петровское время сохранял живую связь с существительным *долг* и преимущественно употреблялся в сочетании с лицами, причем инфинитивная часть имела активный характер: ...*но каждый [член коллегии] с **надлежащим прилежанием и ревностию службу свою **отправлять** и **попечение** **иметь** **должен***** (с. 11).

Шире всего в двусоставном предложении при выражении повеления используется модальный оператор *иметь*, который обладал широкой левосторонней (субъектной) и правосторонней (инфинитивной) сочетаемостью. В качестве подлежащего встречаются как личные одушевленные существительные, так и предметные неодушевленные. В сочетании с личными существительными (а также местоимениями, обозначающими лицо) *иметь* может присоединять и активный инфинитив, и инфинитив в страдательном залоге или инфинитивную часть, выраженную сочетанием *быть* с прилагательным или причастием: *Президенты и вице-президенты **имеют** того **смотреть**, чтоб служители при коллегиях, канцеляриях и канторах до последнего должность свою знали...* (с. 19); *Того ради **надлежит***

публичному месту быть, где в указное время все наказание на теле и лишение живота **чинено быть имеет**... (с. 34).

Хотя сочетание «иметь + инфинитив» известно в древнерусском языке с глубокой древности как один из способов выражения будущего времени, его распространение в документах Петровской эпохи в качестве средства выражения повеления следует отнести к польскому влиянию (*mieć* + инфинитив). Польская конструкция могла быть результатом как калькирования немецкой конструкции *haben zu* (калька XII–XIII вв. французской конструкции *avoir à*), так и влияния средневековой латыни (*habeo* + инфинитив) [Besters-Dilger, 1997, S. 22–25].

Кроме полонизмов, в выражении повеления изредка использовалась церковнославянская конструкция «да + настоящее / будущее время глагола»: *Когда президенты или некоторые члены коллегиев ради важных причин во отлучении суть, то, однако ж, тем дела остановки да не имеют и отправляюща надлежащим образом*... (с. 9).

Не останавливаясь на всех способах эксплицитного выражения повеления, отметим также имплицитные способы, к числу которых относятся настоящее и будущее должностования, а также конструкция «бывать + страдательное причастие». Особенно обращает на себя внимание широкое употребление будущего времени, которое в контексте регламента приобретает оттенок должностования: *Ежели же [президент] ненужные дела станет допускать и делать, то и с челобитчиком денежным штрафом наказан будет* (с. 17). Можно отметить следующие особенности употребления будущего времени: 1) оно используется для выражения страдательного залога главным образом в форме «будет / будут + страдательное причастие»; 2) его использование ограничено главной частью сложноподчиненного предложения с придаточным условным.

Сходно употребление конструкции «бывать + страдательное причастие прошедшего времени», в которой подчеркивается повторяемость и результативное значение: *Члены коллегиев ни к каким другим делам употреблены не бывають, кроме что чину их принадлежит*... (с. 12).

Настоящее время для выражения повеления широко использовано в Генеральном регламенте: *Сколь скоро коллегий в вышепомянутое время и часы соберется, хотя и не все, но большая часть членов, то доносит и чет секретарь все в надлежащем порядке*... (с. 7).

2.2. Выражение разрешения

Разрешение, как и предписание, выражается при помощи двусоставных и односоставных (безличных) конструкций. Безличные конструкции включают в свой состав модальные предикативы *можно*, близкое к безличному сочетание *свобода дается*: *...разве когда президенты за болезнью или других помешательств ради в коллегий не могут быть, то можно им к себе секретаря или нотариуса призвать и чрез оных мнение свое коллегию объявить*... (с. 16); *...также каждому члену свобода даетца, ежели голос его принят не будет, а он ко интересу его императорскаго величества благооснованным и полезным быть рассудит, чрез нотариуса в протокол велит записать* (с. 8).

Также используются (квази)безличные глагольные формы *позволяется, позволено* (в сочетании с инфинитивом или отглагольным существительным): *Того ради от его величества каждому [президенту] особливо секретарь **позволяется** иметь* (с. 16).

Кроме того, может употребляться двусоставная конструкция, которая включает в свой состав глагол *позволять* (*изволять, соизволять*) и грамматический субъ-

ект, указывающий на источник власти (чаще всего – *его императорское величество*): *И позволяет его императорское величество* коллегиям самим удобные способы о том... в доношение учинить (с. 29).

2.3. Выражение запрета

Запрет выражается при помощи независимого инфинитива в сочетании с частицей *не* (9 случаев): ...и когда *апробуется*, тогда **не производить** в дело без писменного указу (с. 6), а также глаголами *запрещается*, *не позволяется*, *не позволено* в сочетании с инфинитивом, отглагольным существительным или придаточной частью с союзом *чтоб* / *дабы*: ...и того ради **не позволяется**, чтоб которой фамилии одной все были во одной гражданской службе, но, по препорции, и воинской (с. 28); ...понеже никому **не позволено** в коллегии о других делах разговоры иметь... (с. 18).

В наиболее эксплицитной форме запрет выражается при помощи конструкции *его императорское величество не позволяет*: Также **не позволяет его императорское величество**, чтоб в прихожих каморах коллегии какие писари или подьячие сидели и дел тамо отправляли... (с. 30).

Часто для выражения запрета использовалась побудительная форма глагола *дерзать* ‘сметь, осмеливаться, решаться на что-л.’ (СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 108) в сочетании с частицей *не* и с инфинитивом: ...без чего в Сенат секретарю не принимать, ни коллегии докладывать **не дерзать**... (с. 14).

2.4. Интенсификаторы предписания и запрета

Интенсификаторы используются для усиления повеления и запрета. В текстах петровских регламентов и уставов интенсификаторов много, и они очень разнообразны: *без всякаго мотчания*, *весьма* ‘совсем, вполне’ (СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 76), *как скоро (скорее) возможно, надлежащим образом, (на)крепко, немедленно, неотложно, неотменно, непрестанно, отнюд(ь)* ‘совсем, вовсе, никоим образом’ (СлРЯ XVIII, вып. 18, с. 37), *по всей возможности, по совести, прилежно, с надлежащим прилежанием и ревностию* и др.

Разные интенсификаторы характеризовали различные аспекты совершения предписываемого действия – быстроту (*немедленно, неотложно, без мотчания*), активность адресата при его выполнении (*накрепко, с надлежащим прилежанием и ревностию, с надлежащим старанием и прилежанием*), соответствие установленному порядку (*неотменно, надлежащим образом*), полноту достижения результата или запрета (*весьма, отнюдь*). При выражении запрета интенсификаторами регулярно выступали также отрицательные местоимения и местоименные наречия, усиливавшие полноту запрета, – *никто, нигде* и пр.: ...а без отпуску **никому никуда** отъезжать не позволяется... (с. 11).

Еще одним способом усиления предписания в уставах петровского времени является указание на разного рода кары за его неисполнение: *под казньми и наказаниями, под наказанием, под наказанием смертным или ссылкойю, под опасением штрафа, под штрафами и наказаньями, под штрафом* и мн. др.

Регламентирующие документы Петровской эпохи (и Генеральный регламент не исключение) характеризуются высокой плотностью употребления интенсификаторов при выражении повеления и запрета. Отчасти это было обусловлено влиянием европейских образцов, отчасти – новизной регламентирующих жанров и страхом властей, что из-за недостаточной дисциплины со стороны тех лиц, которым были направлены регламенты, они не будут выполняться.

Выводы

Генеральный регламент отражает результаты поиска его создателями адекватных новому жанру и новой эпохе языковых средств. В тексте отчетливо прослеживается желание воплотить его содержание при помощи нового, модернизированного делового языка, который должен был воплощать новый этап существования государства. Лексический и грамматический уровень организации текста является результатом синтеза русских, славянских и иноязычных элементов.

Значительной трансформации и обновлению подверглись средства выражения императивности, использовавшиеся в деловых текстах. Наряду с традиционно употреблявшимся для выражения повеления инфинитивом текст Генерального регламента включает в свой состав множество новых средств, как заимствованных, так и русских по происхождению.

Императивную тональность Генерального регламента можно охарактеризовать как жесткую. На усиление императивности работал широкий круг различных интенсификаторов, которые подчеркивали полноту запрета, необходимость совершать предписанное действие быстро либо согласно установленной модели поведения, либо с внутренним напряжением и т. д. Другим способом усиления предписания и запрета в регламентах являлись многочисленные угрозы за несовершение предписанного действия.

Список литературы

- Багрянцева Г. И.* Средства связи предложений в документах XVIII века // Русская речь. 1994. № 1. С. 87–91.
- Бицилли П. М.* Употребление формы именительного падежа женских имен на -а при инфинитиве в русском языке // Сборник в честь на проф. Л. Милетич за семидесятилетие от рождения. София, 1933. С. 199–207.
- Емышева Е. М.* Генеральный регламент 1720 года как опыт создания организационного документа // Вестник Рос. гос. гуманитар. ун-та. 2008. № 8. С. 248–261.
- Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
- Лукашевич А. А.* Виды документов в Российском государстве первой половины XVIII в. (на материале Генерального регламента) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 38–46.
- Лукашевич А. А.* Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII века // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1993. С. 189–210.
- Магдалинская Е. К.* Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современных русского и польского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 243 с.
- Майоров А. П.* Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. № 4. С. 29–36.
- Садова Т. С., Руднев Д. В.* Метафора государства и государственный язык // Языковая норма. Виды и проблемы: Материалы V Междунар. пед. форума (Сочи, 3–4 декабря 2018 года). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 174–182.
- Соколова М. А.* Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века // Учен. зап. ЛГУ. 1952. № 161. С. 52–79.

Besters-Dilger J. Модальность в польском и русском языках (Историческое развитие выражения необходимости и возможности как результат вне- и межславянского влияния) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1997. Bd. 43. S. 17–31.

Список источников и словарей

ГР – Его императорского величества Генеральный регламент или Устав. По которому государственные коллегии, також и все оных приналежащих к ним канцеляреи, и кантор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют. М.: [Синод. тип.], 1725. 40 с.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–... Вып. 7–...

Cantselie Ordningh – Cantselie Ordningh. Hwareffter Kongl. May: t nädigst will, att dess Cancellij-Collegium skall wara bestält och serdeles hafwa sigh uthi Kongl. May: ts warande minorenitet till att rätta. Actum Stockholm d. 22 Septemb. A : o 1661 // *Samling af Instructioner rörande den civila förvaltningen i Sverige och Finland*. Stockholm, 1856. S. 327–364.

References

Bagryantseva G. I. Sredstva svyazi predlozheniy v dokumentakh XVIII veka [Means of connexions of sentences in documents of the 18th century]. *Russkaya Rech' (Russian Speech)*. 1994, no. 1, pp. 87–91

Besters-Dilger J. Modal'nost' v pol'skom i russkom yazykakh (Istoricheskoe razvitie vyrazheniya neobkhodimosti i vozmozhnosti kak rezul'tat vne- i mezhslyavyanskogo vliyaniya) [Modality in Polish and Russian (Historical development of the expression of necessity and possibility as a result of extra- and inter-Slavic influence)]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1997, vol. 43, pp. 17–31.

Bitsilli P. M. Upotreblenie formy imenitel'nogo padezha zhenskikh imen na -a pri infinitive v russkom yazyke [The use of the nominative case of female names in -a with the infinitive in Russian]. In: *Sbornik v chest na prof. L. Miletich za sedemdesetgodishninata ot rozhdenito mu* [Miscellany in honor of Prof. L. Miletic for his seventieth anniversary]. Sofiya, 1933, pp. 199–207.

Emysheva E. M. General'nyy reglament 1720 goda kak opyt sozdaniya organizatsionnogo dokumenta [General regulations' of 1720 as an example of an attempt to create an organizational document]. *RSUH Bulletin*. 2008, no. 8, pp. 248–261.

Lukashevich A. A. Vidy dokumentov v Rossiyskom gosudarstve pervoy poloviny XVIII v. (na materiale General'nogo reglamenta) [Types of documents in the Russian state in the first half of the 18th century (based on the General'nyy reglament)]. *Soviet archives*. 1991, no. 4, pp. 38–46.

Lukashevich A. A. Modernizatsiya formulyara dokumenta gosudarstvennogo deloproizvodstva zakonodatel'stvom pervoy chetverti XVIII veka [Modernization of the form of the document of state office work by the legislation of the first quarter of the 18th century]. In: *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii dooktyabr'skogo perioda* [Research on the source study of Russian history of the pre-October period: Coll. of art.]. Moscow, 1993, pp. 189–210.

Magdalinskaya E. K. *Situativnaya modal'nost' kak funktsional'no-semanticheskaya polevaya struktura (na materiale sovremennykh russkogo i pol'skogo yazykov)* [Situational modality as a functional-semantic field structure (based on the material of modern Russian and Polish languages)]. Cand. philol. sci. diss. Kaliningrad, 2014, 243 p.

Mayorov A. P. Slavyanizmy v delovom yazyke 1-y poloviny XVIII veka [Slavonicisms in the business language of the 1st half of the 18th century]. *Philological Sciences*. 2009, no. 4, pp. 29–36.

Sadova T. S., Rudnev D. V. Metafora gosudarstva i gosudarstvennyy yazyk [Metaphor of the state and the state language]. In: *Yazykovaya norma. Vidy i problemy: materialy V Mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma (Sochi, 3–4 dekabrya 2018 goda)* [Language norm. Types and problems. Proceedings of the 5th International Pedagogical Forum (Sochi, December 3–4, 2018)]. St. Petersburg, Herten RSPU Publ., 2018, pp. 174–182.

Sokolova M. A. Vyrazhenie voleiz'yavleniya v russkikh bytovykh i delovykh pamyatnikakh XVI veka [Expression of will in Russian everyday and document texts of the 16th century]. *Uchen. zap. LGU*. 1952, no 161, pp. 52–79.

Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in 18th century Russia]. Moscow, LRC Publishing House, 1996, 590 p.

List of sources and dictionaries

Cantselie Ordningh. Hwareffter Kongl. May: t nädigst will, att dess Cancellij-Collegium skall wara bestält och serdeles hafwa sigh uthi Kongl. May: ts warande minorennetit till att rätta. Actum Stockholm d. 22 Septemb. A : o 1661. In: *Samling af Instructioner rörande den civila förvaltningen i Sverige och Finland*. Stockholm, 1856, pp. 327–364.

Ego imperatorskago velichestva General'nyy reglament ili Ustav. Po kotoromu gosudarstvennye kollegii, takozh i vse onykh prinalezhashchikh k nim kantselyarei, i kantor sluzhiteli, ne tokmo vo vneshnikh i vnutrennikh uchrezhdeniyakh, no i vo otpravlenii svoego china, poddanneishe postupat' imeyut [His Imperial Majesty General Regulations or Statutes. According to which the state colleges, as well as all the servants of their chanceries and offices, not only in external and internal institutions, but also in the fulfillment of their rank duty have to humbly act]. Moscow, Synod tip., 1725, 40 p.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Yu. S. Sorokin (Ed. in Chief). Leningrad, Nauka, 1984–1991, iss. 1–6; St. Petersburg, Nauka, 1992–... iss. 7–...

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Руднев, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

Dmitriy V. Rudnev, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 06.12.2020;
одобрена после рецензирования 11.03.2021; принята к публикации 11.03.2021
The article was submitted 06.12.2020;
approved after reviewing 11.03.2021; accepted for publication 11.03.2021